

К. Б. БОЖИК

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (1945—1955 годы)

Божик Кристина Богдановна — преподаватель кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640003805-3

После воссоединения Германии в 1990 г. один из основных вопросов «холодной войны», германский, был окончательно решен. Однако в истории германской проблемы есть еще много аспектов, привлекающих внимание исследователей. Один из них — ее внешнеполитическая эволюция.

Актуальность темы связана с публикацией в конце XX в. — начале XXI в. большого числа источников и исследований, посвященных различным аспектам германской проблемы. Отметим, например, такой важный источник, как подготовленный бундестагом ФРГ документальный труд «Материалы анкетной комиссии: итоги истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии»¹. Упомянем также берлинское издание речей и публикаций государственных деятелей ФРГ Э. Бара, В. Брандта, Г. Геншера, воспоминаний Г. Коля, Г. Шмидта, Х. Тельчика, Р. Вайцзеккера, а с российской стороны — воспоминания П. А. Абрасимова, И. Н. Кузьмина, И. Ф. Максимычева, В. М. Фалина, Н. С. Хрущева и других политиков и дипломатов². Изданы труды историков, разносторонне изучающих «германский вопрос»: А. А. Ахтамзяна, Н. В. Павлова, А. М. Филитова³.

Цель статьи — показать внешнеполитическую эволюцию «германского вопроса» после победы СССР и его западных союзников над нацистской Германией в 1945 г. до «замораживания» в 1955 г. объединения Германии и де-факто признания существования двух германских государств (образованных в 1949 г. ФРГ и ГДР).

Первые наброски внешнеполитического курса будущей ФРГ формировались правительствами Западных демократий и администрациями оккупационных зон Великобритании, США и Франции в Германии в условиях начала «холодной вой-

¹ Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland, Bd. I—IX. Bonn, 1994—2000. См. об этом: *Божик К. Б., Кремер И. С.* Политико-экономический кризис и крушение Германской Демократической Республики (1989—1990 годы). — Новая и новейшая история, 2017, № 3.

² *Максимычев И. Ф.* Крушение. Реквием по ГДР. Последний год ГДР. М., 1993; *Teltschik H.* 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1996; *Фалин В. М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999; *Кузьмин И. Н.* Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. М., 2003; *Абрасимов П. А.* Четверть века послом Советского Союза. М., 2007; *Brandt W.* Berliner Ausgabe. Bd. 10. Gemeinsame Sicherheit. 1982—1992. Berlin, 2009; *Weizsäcker R.* Vier Zeiten. Erinnerungen. München, 2010; *Bahr E.* «Das musst du erzählen». Erinnerungen an Willy Brandt. Berlin, 2015; *Genscher H. D.* Meine Sicht der Dinge. Berlin, 2015; *Schmidt H.* Religion in der Verantwortung. Gefährdungen des Friedens im Zeitalter der Globalisierung. Berlin, 2015; *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. М., 2016.

³ *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941—1990. М., 2009; *Ахтамзян А. А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М., 2010; *Павлов В. М.* История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012; *его же.* Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017.

ны». В историографию многих стран вошло убеждение, что «холодная война», в эпицентре которой оказалась Германия, началась с известной мартовской речи 1946 г. У. Черчилля, уже находившегося не у дел. Но есть и другие точки отсчета. Так, в письме президента США Г. Трумэна государственному секретарю Д. Бирнсу от 5 января 1946 г. сказано: «Если им [советским лидерам] не показать железный кулак и не говорить с ними твердым голосом, мы переживем новую войну. Есть только один язык, который русские понимают, а именно: “Сколько у вас дивизий?”»⁴.

После окончания Второй мировой войны в Европе руководство США пыталось придерживаться договоренностей в отношении Германии, достигнутых Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем и И. В. Сталиным в Ялте и Потсдаме. В первые год-полтора оккупационным властям четырех держав еще удавалось приходиться к согласию по большинству обсуждаемых вопросов. В администрациях западных оккупационных держав можно было встретить немало недавних офицеров-фронтовиков, убежденных антинацистов, проникнутых уважением к своему великому восточному союзнику. Они находились под влиянием итогов недавней войны, понимали и признавали роль Советского Союза в ней. Главное же, они были полны решимости покончить с остатками нацизма на немецкой земле.

Первые инструкции из Вашингтона требовали от работников оккупационных властей США жесткой политики в отношении бывших нацистов и предлагали своим сотрудникам не заниматься перевоспитанием немцев, а твердо пресекать все попытки возродить идеи или практику нацизма. «Германия, — говорилось в директиве № 1067, — оккупируется не в целях ее освобождения, а как побежденная вражеская страна. Германские вопросы должны решаться так, чтобы это содействовало децентрализации политической и административной структуры страны и развитию местных самоуправлений»⁵. Американский генерал Л. Клей позднее оценивал эту директиву как попытку установить в Германии «мир карфагенского образца», т.е. как документ, направленный на уничтожение германского государства.

Надо отдать должное американской оккупационной администрации «первой волны». Когда эксцентричный генерал Дж. Паттон содействовал выдвижению на пост первого послевоенного премьер-министра Баварии реакционера и пронациста Ф. Шеффера, это вызвало резкий протест генерала Д. Эйзенхауэра, главнокомандующего войсками США в Германии. 28 сентября 1945 г. он вызвал Паттона и заявил ему: «Что, черт возьми, делает американская армия в Германии, если она не занимается денацификацией немецкого правительства и управления? Русские своих нацистов казнят, а американцы предоставляют им посты»⁶. В тот же день Шеффер и два его заместителя были отправлены в отставку. Вместо Шеффера Эйзенхауэр утвердил на должность премьер-министра Баварии социал-демократа В. Хёгнера.

Заметное влияние на послевоенное развитие западной и восточной частей Германии оказало возвращение на родину социал-демократической, коммунистической и либеральной эмиграции: политиков, писателей, ученых. Эти люди в свое время покинули страну, спасаясь от нацистского террора. Когда мы пытаемся понять корни успешного развития немецких земель после разгрома нацистского режима, нельзя недооценивать работу тысяч антифашистов, демократов, деятелей католической и евангелической церквей, перед которыми распахнулись ворота концлагерей и тюрем, и которые начали активно функционировать в политических партиях, профсоюзах и органах власти.

⁴ *Truman H. S. Memoiren*, Bd. I. Stuttgart, 1955, S. 601; *Badstubner R., Thomas S. Restauration u. Spaltung u. Entwicklung der BRD. 1945—1955*. Berlin, 1975, S. 78—79.

⁵ Международные отношения после второй мировой войны. Т. 1. 1945—1949 гг. М., 1962, с. 457.

⁶ Для эволюции взглядов американской администрации характерно, что в 1949 г. при полном согласии западных союзников К. Аденауэр пригласил Ф. Шеффера занять пост министра финансов в правительстве ФРГ. — *Stern*, 1979, № 19, S. 91.

В первые послевоенные годы заметную роль в политической жизни западных оккупационных зон Германии играли коммунисты (в частности, в Парламентском совете и в Бундестаге первого созыва). Часть из них не рассталась с радикальными, крайне левыми настроениями, но их решительный антинацизм работал на общее дело демократизации Германии.

В советской оккупационной зоне Германии, в которой на муниципальном уровне управляли немецкие коммунисты — недавние борцы Сопротивления, бывшие политэмигранты, последовательные враги нацизма, постепенно складывалось представление, что разгром нацизма не имеет к этой части страны такого отношения, как к западной, ибо восточная часть Германии скорее выступает как союзник СССР, «освобожденный» от нацизма.

В западной же части страны таких претензий не выдвигалось. Здесь под влиянием проводимой союзниками денацификации, немецкой религиозной и светской либеральной мысли развивалось чувство вины, покаяния, готовность искупить зло, причиненное гитлеровцами.

Можно определять ситуацию в западной части Германии как усиление влияния «социального христианства», ибо прогрессивная внутренняя политика Христианско-демократической партии, связанной с католической церковью, делала ее привлекательной и для приверженцев евангелической конфессии.

К. Аденауэр, кёльнский католик, еще в начале Веймарской эпохи утверждал: «Существуют две Германии: одна (на западе), сформировавшаяся под влиянием римской культуры, другая (на востоке), возникшая под влиянием Пруссии». Уже весной 1946 г., выступая с речью в Кёльнском университете, К. Аденауэр (в этот момент — лидер ХДС британской зоны) подчеркнул ограниченность возможностей Германии в сфере внешней политики и добавил, что христианские демократы являются сторонниками возрождения Германии, но не желают повторения империи Бисмарка под руководством Пруссии⁷.

Издательница влиятельного еженедельника «Цайт» М. фон Дёнхофф писала, что для Аденауэра земли к востоку от Эльбы были «азиатскими степями»⁸. Отметим заметное влияние на ситуацию в Западной Германии перемещения в эту часть страны значительных людских масс (прежде всего, беженцев военного времени и послевоенных переселенцев).

После тяжелой разрухи в 1945—1947 гг. (которые многим немцам запомнились как время не менее тягостное, чем военное), с 1948 г. в западных секторах Германии начался экономический подъем. В Советском Союзе успехи Западной Германии долгое время объяснялись осуществлявшимся в 1948—1952 гг. «планом Маршалла», т.е. вливанием больших свободных средств, имевшихся в распоряжении «нажившегося на войне американского империализма», чего не могла предоставить «народно-демократической» Восточной Германии истощенная войной советская сторона. Конечно, средства, полученные по «плану Маршалла», сыграли важную роль стартового капитала. Однако решающую роль в стремительном восстановлении и развитии западногерманской экономики сыграли либеральные реформы Л. Эрхарда, начатые в июне 1948 г.⁹ До реформ Эрхарда даже в консервативных политических кругах западной части Германии обсуждался вопрос об использовании и социалистических методов. Правда, этот период был недолгим. Российский историк А. И. Борозняк показал, как шаг за шагом лозунги «экономического социализма» и национализации ряда отраслей промышленности исчезали из программ местных организаций демохристиан¹⁰.

⁷ Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии). М., 1995, с. 41.

⁸ Dönhoff M. Von Gestern nach Übermorgen. München, 1984, S. 11.

⁹ Шенников А. В. Экономические реформы 1948—1950 гг. в Западной Германии. — Веймар — Бонн: опыт двух германских демократий и современная Россия. М., 1998, с. 120—123.

¹⁰ Борозняк А. И. К истории формирования ХДС/ХСС. — Ежегодник германской истории. М., 1974, с. 317—338.

Вопреки бытовавшим не только в советской пропаганде опасениям перед «западногерманским реваншизмом», культ «немецкой вины» и искреннего покаяния постепенно утвердился в ФРГ, особенно среди молодежи. Как отмечала российская исследовательница Л. А. Фадеева, после 1945 г. в настроениях западногерманского общества можно было отметить синдром «бегства от истории». Характерной чертой западногерманской молодежи 60—80-х годов XX в. стала большая распространенность пацифистских и особенно космополитических настроений — на фоне общей левизны настроений их сверстников в западных странах¹¹.

С установлением советского контроля над востоком Германии стала осуществляться давняя мечта немецких коммунистов и «советских товарищей» о создании «государства рабочих и крестьян» на земле одной из самых развитых стран мира. Если в западных оккупационных зонах политика военной администрации сводилась к внедрению сформулированного на Потсдамской конференции принципа «четырёх Д» (денацификация, демократизация, демилитаризация, демонополизация), а также децентрализации, то социальные институты, существовавшие в советской зоне оккупации, были преобразованы на много глубже. Уже в самом начале оккупационного режима в советской зоне «были проведены решающие реформы, призванные создать социально-экономические предпосылки для построения коммунистической системы»¹².

К концу 1945 г. всеми оккупационными державами было допущено создание в их зонах политических партий. В западных зонах Германии доминировали христианские демократы (ХДС). В советской оккупационной зоне, при покровительстве советской администрации, господствующее положение стремились занять коммунисты (КПГ). Однако популярность социал-демократов и на востоке страны подтолкнула коммунистов еще в июле 1945 г. проявить инициативу к объединению их партии с Социал-демократической партией Германии (СДПГ), а советскую сторону — поддержать это начинание. Объединение на востоке страны КПГ и СДПГ в апреле 1946 г. было фактически поглощением СДПГ коммунистами. Против попыток компартии «вовлечь в лагерь миролюбивых сил» всю германскую социал-демократию решительно выступил руководитель СДПГ К. Шумахер, называвший коммунистов «красными нацистами». Оккупационные власти западных держав на прямую запретили слияние партийных организаций¹³. Э. Бар, многолетний сотрудник В. Брандта, писал, что споры К. Шумахера и О. Гротевольа по поводу возможного объединения коммунистов и социал-демократов были «небольшим вкладом в немецкий раскол», но ответственными были «более могущественные»¹⁴.

Социал-демократы и коммунисты после поражения Германии активно выступали за изменение основ общественной жизни. На западе страны эти настроения проявились в 1946 г., когда во время референдума население земли Гессен высказалось за национализацию крупной собственности (76 % участников). Отметим, что в программе главной буржуазной партии Западной Германии — Христианско-демократического союза, принятой на съезде ХДС в г. Ален (февраль 1947 г.) говорилось: «Капиталистическая экономика больше не соответствует государственным и социальным интересам германского народа. Время неограниченного господства частного капитализма прошло». Вскоре ХДС предложила ввести для рабочих крупных предприятий (с числом занятых более 500) «право на соучастие» в решении основных вопросов экономического развития предприятия и социальных проблем. Правда, эти «социалистические увлечения» консерваторов продолжались недолго.

Уже догосударственный период характеризовался определенным демонтажем Потсдамских отношений. Для подтверждения этого тезиса достаточно упомянуть

¹¹ Фадеева Л. А. Этностереотип немецкой нации в исторической ретроспективе. — Веймар — Бонн..., с. 100.

¹² Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. М., 1996, с. 41.

¹³ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995, с. 47—55.

¹⁴ Bahr E. Op. cit., S.14.

программное выступление государственного секретаря США Д. Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте. Ведущий американский политик поставил под сомнение постоянный характер польско-германской границы по Одеру—Нейсе¹⁵. Такой подход к проблеме был кирпичиком в фундамент «холодной войны». Западногерманский историк А. Гроссер так характеризует эту речь: «6 сентября 1946 г. американский государственный секретарь Бирнс произнес в Штутгарте речь, которая, по сути дела, провозгласила полное изменение американской политики в Германии»¹⁶.

Бирнс объявил, что период оккупации, связанный с наказанием немцев, закончился. По сути дела, речь Бирнса была водоразделом и в деятельности совместных органов союзников в Германии. После сентября 1946 г. регулярно заседавшие Верховные комиссары сумели прийти к согласию только по двум крупным вопросам, приняв закон об освобождении Германии от национал-социализма и милитаризма (Закон Союзного Контрольного Совета от 12 октября 1946 г.) и закон о ликвидации Прусского государства от 25 февраля 1947 г.

6 дней спустя после речи Бирнса совещание министров экономики западногерманских земель, созданное по инициативе оккупационных властей США и Великобритании, приняло решение о подготовке слияния хозяйства американской и английской зон. Начало функционирования Бизонии было намечено на 1 января 1947 г. Поскольку ни советская, ни французская зоны не были приглашены к созданию этого экономического объединения, такой акт можно считать началом раскола Германии.

В 1945 г. многие политики США, Великобритании и Франции полагали, что ослабление Германии, ее разделение на зоны оккупации будут способствовать поддержанию безопасности в Европе. Однако раскол страны, начатый созданием Бизонии, имел и другую подоплеку. Западная Германия больше не рассматривалась как недавний враг и потенциальный противник. Речь теперь шла о создании сильного союзника западных держав. В документации, изданной МИД ГДР в 1966 г., приводится текст из влиятельной «Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 20 декабря 1947 г.: «Эпоха Ялты прошла. Разделение Германии развяжет нам руки для того, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств»¹⁷.

Будущий государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес выступил в Нью-Йорке в начале 1947 г. с заявлением: «Планируя будущее Германии, надо больше мыслить понятиями экономического единства Европы, чем понятиями потсдамского диктата, гласящего, что Германия должна быть единым экономическим целым»¹⁸.

Начинался решительный поворот от согласованной политики к расколу не только Германии, но и всей Европы на два враждебных блока. В коммюнике Лондонской конференции по германскому вопросу, созванной США, Англией и Францией с участием Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, от 7 июня 1948 г. было заявлено о будущем создании такой организации немецкого народа, которая позволит ему «принять на себя правительственную ответственность», т.е. фактически речь уже шла о создании западногерманского государства. Лондонское совещание наглядно продемонстрировало стремление западных стран изолировать Советский Союз, решать все вопросы, касающиеся Германии, без его участия и в одностороннем порядке пересмотреть уже принятые сторонниками решения (например, план коллективного контроля над Руром, согласованный в 1945 году).

Попытка советского представителя в Контрольном совете получить от американского и других руководителей западных зон оккупации детальную информацию

¹⁵ Д. Бирнс сказал: «Граница между Германией и Польшей по линии Одер — Нейсе, в отличие от уступки Кёнигсбергской области, ни в коем случае не носит окончательного характера». — *Lilge H. Deutschland 1945—1963*. Bremen, 1977, S. 32.

¹⁶ *Grosser A. Deutschland Bilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945*. München, 1970, S. 105.

¹⁷ Так была расколота Германия. МИД ГДР. Сб. док. Дрезден, 1966, с. 51.

¹⁸ *Dulles A. W. Alternatives for Germany*. — <https://www.foreignaffairs.com/articles/germany/1947-04-01/alternatives-germany>

о решениях, принятых в Лондоне, завершилась отказом. Эти события означали завершение совместной деятельности союзников в Германии. Денежная реформа, проведенная в июне 1948 г. в Западной Германии, с точки зрения валютной политики «превратила, по словам немецкого автора, — восточную зону в иностранную область»¹⁹.

Оккупационные власти СССР срочно ввели строгий контроль в пунктах пересечения демаркационной линии. Был запрещен проезд по суше и по воде любого транспорта, который отказывался подвергнуться проверке. Одновременно советские власти предложили полностью обеспечить Западный Берлин продовольствием, чтобы избавить его население от лишений. Но власти западных держав и немецкий магистрат Западного Берлина запретили жителям пользоваться какой-либо помощью с территории Восточной Германии.

США организовали так называемый «воздушный мост» — снабжение Западного Берлина по воздуху. Ежедневно несколько сот грузовых самолетов стартовали с аэродромов в Западной Германии и приземлялись в Западном Берлине. Это был один из самых опасных моментов начала «холодной войны».

В советской историографии и в части немецкой долго сохранялась версия, что Сталин до последней возможности удерживал Германию от раскола. Известно, — писал немецкий профессор Оскар Ференбах, — что «Сталин до самой своей смерти в 1953 году оставался сторонником единства»²⁰. Может быть, это справедливо для начального периода оккупации, когда советский руководитель, возможно, еще верил, что немецкий рабочий класс после Гитлера повернет к социализму. Советский историк Д. М. Проэктор считал, что, на взгляд Сталина, «следовало использовать победу для возрождения марксистских, революционных традиций Германии». Исследователь подкрепляет свое суждение ссылкой на высказывание Сталина (в передаче Милована Джиласа): «Вся Германия должна быть нашей, т.е. советской, коммунистической», — говорил Сталин Джиласу в 1946 г.²¹ Не исключено, что Сталин надеялся создать такие условия, при которых союзники были бы вынуждены уйти из Западного Берлина. Это позволило бы при расколе Германии включить весь город в экономическую систему советской зоны оккупации и закрыть границу на замок.

Авторы изданной под редакцией профессоров МГИМО А. В. Торкунова и М. М. Наринского «Истории международных отношений» считают возможным намерение Москвы в результате ограничений и трудностей, созданных советскими властями, заставить западные державы отступить, сдать свои позиции в пользу Советского Союза²².

Но существуют и другие версии. Во вступительной статье к сборнику архивных документов²³ ведущий научный сотрудник ИВИ РАН А. М. Филитов отмечает, что подтверждения этого намерения нет в документах, что ответные меры советской стороны на введение новой марки в западных секторах Берлина были рассчитаны не на ликвидацию западного военного присутствия, а на открытие переговоров с целью добиться (причем ограниченной) модификации политики.

Во всяком случае, воздушный мост перечеркнул планы «вытеснения» СССР, если они имелись²⁴. Советская сторона старалась в условиях Берлинского кризиса укрепить влияние СЕПГ и местных немецких властей. В начале 1948 г. Совет-

¹⁹ Зонтхаймер К. Указ. соч., с. 46.

²⁰ Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001, с. 54.

²¹ Проэктор Д. М. Размышления о холодной войне. — Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995, с. 402.

²² История международных отношений, т. III. М., 2012, с. 37.

²³ Там же.

²⁴ СССР и Германский вопрос. 1941—1949. Документы российских архивов. Т. IV. 18 июля 1948 г. — 5 ноября 1949 г. М., 2012, с. 170—171.

ское правительство приняло решение об укреплении немецкой полиции в своей зоне оккупации. Было решено освободить в 3-месячный срок из плена 4,5 тыс. человек из рядового состава, 100 офицеров и 5 генералов, которых предлагалось направить для работы в Немецкой народной полиции. Решение было подписано И. В. Сталиным и управляющим делами Совета министров Я. Е. Чаадаевым.

Немецкий историк Х. Кёлер считает, что именно политика военных властей в советской зоне вызвала бегство населения на запад, что события в Праге в феврале 1948 г. (создание нового чехословацкого правительства почти исключительно из коммунистов), а также «блокада Берлина» и «воздушный мост» в 1948—1949 гг. изменили к лучшему отношение немцев к западным странам-победительницам²⁵.

Летом 1948 г. Германия была официально включена в «план Маршалла»; в это время уже функционировало объединение трех западных зон оккупации — Тризония. В сентябре был создан Парламентский совет, который должен был сыграть роль Учредительного собрания. Его главной задачей было создание конституции (Основного закона) будущего государства. Председателем собрания стал христианский демократ К. Аденауэр. 10 апреля 1949 г. был опубликован Оккупационный статут для Западной Германии, утвержденный западными державами-победительницами. 8 мая 1949 г., через четыре года после капитуляции Германии, Основной закон был принят Парламентским советом. 14 августа 1949 г. были проведены выборы в первый западногерманский Бундестаг, а 7 сентября в Бонне было провозглашено создание Федеративной Республики Германия.

А что же происходило в это время в Восточной Германии? Созданием Немецкого народного конгресса «за единство и справедливый мир» был проложен путь к образованию второго германского государства. В дальнейшем Немецкий народный конгресс избрал из своего состава Немецкий народный совет. На заседании этого совета 7 октября 1949 года и было провозглашено создание Германской Демократической Республики, Президентом ГДР стал коммунист Вильгельм Пик, премьер-министром — бывший социал-демократ Отто Гротеволь. Формальным поводом для создания Германской Демократической Республики были действия западной стороны.

Еще до кризиса 1948—1949 годов в западногерманской политической литературе можно было встретить идеи безоговорочной ориентации нового западногерманского государства на Запад. Одним из пионеров таких идей был профессор В. Ропке: можно предположить, что некоторые заявления К. Аденауэра вдохновлялись идеями этого консервативного ученого и публициста.

Как писал историк из ГДР Зигфрид Томас, планы отделения западной части страны от восточной уже в 1949 г. сочетались у политиков с намерением присоединить будущее государство к антисоветским объединениям²⁶. В статье З. Томаса приводятся многочисленные документы зарождающихся политических партий Западной Германии, декларирующие тесную связь немцев с западноевропейской историей и культурой и необходимость примкнуть именно к Западу.

Представители политического католицизма, объединившегося в Христианско-демократическом союзе и в его баварском филиале — Христианско-социальном союзе, как правило, выступали в роли трансляторов политики западных оккупационных держав. Их лидеры (прежде всего — К. Аденауэр) имели регулярные контакты с представителями этих держав. Когда трения и разногласия возникли у будущего канцлера с британскими оккупационными властями, его тут же «унаследовали» и взяли под свое покровительство американцы, и с тех пор он показывал себя их верным союзником. Внешнеполитические взгляды основателей Христианско-демократической партии и ее баварского филиала были однозначны — они

²⁵ Köhler H. Kontinuitet und Wandel. — Bundesrepublik und Deutsche Demokratische Republik. Bonn, 1980, S. 19—20.

²⁶ Tomas S. Wiege der BRD — Aussenpolitik. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Berlin, 1975, № 1, S. 21.

были готовы к безоговорочной поддержке западных держав. Социал-демократы под руководством К. Шумахера выступали с очень жестких национальных позиций, иногда — антизападных. Шумахер и обер-бургомистр Западного Берлина (бывший деятель Коминтерна) Э. Ройтер позволяли себе и резкую критику американцев по разным поводам.

Что касается СДПГ в целом, то в 1946 г. на партийном съезде в Ганновере были приняты «Политические тезисы», где среди внешнеполитических установок партии на первый план выдвигались «приоритет национальных интересов и несогласие с любыми территориальными претензиями к Германии».

Свободные демократы во главе с будущим первым президентом ФРГ Теодором Хейсом выступали взвешенно и осторожно: особенностью их речей и решений в эти годы является и попытка презентовать себя «представителями наших братьев в Восточной зоне»²⁷.

В первые послевоенные годы на политической сцене страны начали активно выступать вернувшиеся из эмиграции немецкие политики Веймарского периода: бывшие канцлеры Х. Брюнинг, Х. Лютер и Й. Вирт. Они с одобрением вспоминали о Рапальском договоре с Советской Россией, который в 1922 г. спас побежденную Германию от изоляции. Историк Людмила Томас приводит слова одного из главных авторов Основного закона ФРГ социал-демократа Карло Шмида, который в 1949 г. писал, что в стране есть «больше Надольных, чем сами Надольные это представляют»²⁸.

В формирование внешнеполитических приоритетов молодой ФРГ включились и оставшиеся на поверхности общественной жизни бывшие соратники гитлеровского рейхсминистра иностранных дел Риббентропа. Г. Фогель, в 30-е годы сотрудник германских посольств в Праге, Лондоне и Афинах, в октябре 1946 г. предложил правительству земли Гессен свои услуги для составления меморандума по внешнеполитическим вопросам. Его предложение было принято. Фогель предлагал немцам Западной Германии сделать однозначный выбор в пользу западных держав. Он выступил не только против какого-то подобия «пакта Рапалло», но и предостерегал немцев от ориентации на Советский Союз. Такой выбор, считал дипломат, был бы для Германии «равнозначен политическому самоубийству»²⁹.

В меморандуме выражалась надежда, что с помощью «влиятельных американских и британских кругов» можно будет «исправить» границы Германии по линии Одер—Нейсе. В 1949 г. Фогель был приглашен на работу в правительственный аппарат, в 1956 г. вернулся в МИД и более десяти лет был послом ФРГ³⁰.

Среди концепций, владевших умами политиков Западной Германии, была и такая: будущая объединенная Германия не должна вступать в какие-либо союзы с державами-победительницами. Влиятельный профсоюзный деятель Я. Кайзер, живший в первые послевоенные годы в Восточной Германии, сумел в июле 1947 г. склонить на свою сторону (в пользу нейтрализации Германии) часть руководства партии ХДС. Позднее, уже в качестве министра правительства ФРГ по общегерманским вопросам, он отстаивал приоритет воссоединения Германии перед ремилитаризацией.

Особое значение имел подход к проблемам будущего Германии К. Аденауэра. Он не запятнал себя сотрудничеством с нацистским режимом. Союзники освободили его из тюрьмы в Кёльне: он был обвинен нацистами в связях с противником гитлеровского режима. Аденауэр выступал за безоговорочную поддержку политики западных держав и против нейтрализации Германии.

²⁷ *Liberaler Politiker zur deutschen Frage. 1947—1974. Bonn, 1974, S. 9—10.*

²⁸ *Thomas L. Die Herstellung diplomatischer Beziehungen zwischen der UdSSR und der Deutschen Bundesrepublik im Jahre 1955. Berlin, 1964, S. 56.*

²⁹ *Vogel G. Diplomat unter Hitler und Adenauer. Düsseldorf, 1969, S. 132.*

³⁰ *Кремер И. С. ФРГ: внутривластическая борьба и внешняя ориентация. М., 1977, с. 135—137.*

Что касается важнейшей проблемы — восстановления единства страны, то будущий канцлер твердо верил, что оно может состояться только в результате бесспорного военного превосходства западных держав над Советским Союзом³¹. Аденауэр считал, что ФРГ «следует проводить не “политику качелей” в духе Веймарской республики, а курс на западную ориентацию»³².

В надеждах Аденауэра на приобретение Западом «позиций силы» отражалась и недооценка канцлером мощи Советского Союза. С созданием в 1949 г. в СССР атомной бомбы (и победой коммунистов в гражданской войне в Китае) начался быстрый процесс выравнивания силы обоих центров мировой политики.

Нельзя считать, что политика, намеченная Аденауэром, получила всеобщее одобрение. В его собственной партии один из ее основателей Якоб Кайзер, выдвигавший идею строительства «христианского социализма», считал, что «перед Германией стоит великая задача найти в борьбе европейских наций синтез между восточными и западными идеями». Он писал: «Мы должны стать мостом между Востоком и Западом. Вместе с тем мы пытаемся нащупать свой собственный путь к построению нового социального общества. Европейский мир должен вновь обрести спокойствие»³³. Однако, вопреки его ожиданиям, отличительной чертой действительности стала жесткая конфронтация между Востоком и Западом, а мечты Кайзера о примирении и синтезе были обречены на провал. Развивалась «холодная война».

Российский историк В. Д. Ежов, работавший несколько лет в советском посольстве в Бонне, пишет, что лидер Социал-демократической партии Германии, Курт Шумахер, «был антиподом Аденауэра: пруссак, протестант, заядлый курильщик, неженатый и бессемейный одиночка, агрессивный, саркастический, взрывной и крайне нетерпеливый, он не признавал компромиссов. В Аденауэре «он видел иезуитскую скрытную натуру, реакционера, неспособного представлять новую немецкую демократию»³⁴. «Бюро Шумахера», в первое время после войны фактически руководившее социал-демократами Западной Германии, отвергало любое сотрудничество с коммунистами и Советским Союзом. Отношение Шумахера к коммунистам было враждебным до самого его ухода из жизни в 1952 г.

Шумахер полностью отвергал концепцию, согласно которой будущая демократическая Германия могла бы играть роль моста между Востоком и Западом. Шумахер предлагал «Срединный путь» — третье решение национальной проблемы, отличное от «западного капитализма» и «русского социализма», своеобразный симбиоз между Востоком и Западом. Он провозглашал в майских тезисах СДПГ 1946 года: «Целью немецкой социал-демократии является создание Соединенных Штатов Европы, демократической и социалистической федерации европейских государств. Она хочет видеть социалистическую Германию в социалистической Европе»³⁵. Вместе с тем Шумахер позиционировал себя как немецкий националист. Он был убежден, что социал-демократы проиграли национал-социалистам потому, что были недостаточно националистичны. В отличие от Аденауэра Шумахер считал, что сначала Германия должна получить равный статус с другими европейскими державами и лишь затем вставать на путь интеграции в западные структуры на равных условиях. Однако аденауэровские идеи западной интеграции ФРГ на базе либерального капиталистического рыночного хозяйства все больше претворялись в реальную жизнь, что предопределило неудачу концепции Шумахера.

Что касается СДПГ в целом, то ее старая Гейдельбергская программа 1925 г. не менялась более 40 лет; правда, в 1946 г. на партийном съезде в Ганновере были приняты «Политические тезисы», где среди внешнеполитических установок партии

³¹ Adenauer K. Erinnerungen. 1945—1953. Stuttgart, 1965, S. 221.

³² Павлов Н. В. Россия и Германия..., с. 315.

³³ Dokumentation. Die Geschichte der CDU. Bonn, 1987, S. 20—21.

³⁴ Ежов В. Д. Конрад Аденауэр — немец четырех эпох. М., 2003, с. 252.

³⁵ Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik. München, 1975, S. 72.

на первый план выдвигались «приоритет национальных интересов и несогласие с любыми территориальными претензиями к Германии».

Программа, представленная Аденауэром Бундестагу, получила поддержку. Канцлер, только то избранный на свой пост большинством в один голос, постепенно приобрел большое влияние. Аденауэр выступил 21 октября 1949 г. с заявлением, что «Федеративная Республика Германии является единственной легитимной государственной организацией немецкого народа» и получил в ответ «оживленную овацию и рукоплескания справа, в центре и от социал-демократов», — пишет профессор Г.-П. Шварц³⁶. А когда канцлер сообщил о своем намерении ввести ФРГ в «европейский порядок», он вновь получил поддержку и социал-демократических депутатов³⁷.

После создания ФРГ одним из важнейших направлений внешней политики Аденауэра было активное участие страны в начавшейся европейской интеграции. Созданное в 1951 г. объединение Франции и ФРГ по добыче и производству угля и стали, а потом и более глубокое и универсальное сотрудничество экономик западноевропейских государств встретили самую горячую поддержку в Бонне. Не исключено, что канцлер видел в европейской интеграции фундамент для будущих переговоров с «позиции силы». Но главной причиной активного включения в процесс, предложенный Шуманом, были, конечно, хорошо просчитанные экономические выгоды. Руководство ФРГ имело для такой позиции и особые основания. Потерпевшая сокрушительное поражение Германия, оккупированная войсками победителей, носившая на себе клеймо виновника кровопролитной войны, нуждалась в экономическом и политическом сближении для начала хотя бы с одной из великих держав. Самой подходящей из них для немцев была Франция. Как тонко заметил немецкий историк Голо Манн, секретом германо-французского сближения был раскол, т.е. ослабление Германии³⁸. Встреченные вначале с недоверием в некоторых странах (от Великобритании до СССР) планы интеграции показали свою реальность и эффективность. В 1951 г. группа деятелей СДПГ, центристских и правых партий выступила с манифестом «Объединение мира путем нейтрализации Германии», адресованным конференции Всемирного совета церквей в Амстердаме. Идеи манифеста были категорически отвергнуты правительством Аденауэра и руководством правящей ХДС/ХСС. По сути дела, руководство молодого государства в лице Аденауэра отвергало любые нейтралистские планы, даже не обсуждая их. Канцлер нашел энергичного союзника в лице Ф.-Й. Штрауса, влиятельного члена руководства ХДС и впоследствии лидера баварского Христианско-социального союза. Рассказывая о своей позиции в эти годы, Штраус утверждал, что нейтрализованная Германия «была бы неизбежно вовлечена в советскую зону влияния»³⁹.

Немецкий историк Э. Нольте обращает внимание на то, что в ФРГ более непримиримую позицию по внешнеполитическим вопросам занимали католические политики⁴⁰.

Любой внешнеполитический шаг Москвы, Восточного Берлина и объединенные акции европейских социалистических стран встречались в Бонне в штыки. 10 марта 1952 г. И. В. Сталин обратился к руководителям США, Великобритании и Франции с предложением уладить германский вопрос. Оккупационным державам предлагалось незамедлительно и при немецком участии начать разработку мирного договора с Германией, проект которого прилагался. СССР готов был согласиться на деоккупацию Германии в течение года после подписания договора, не препят-

³⁶ Schwarz H.-P. Adenauers Friedens- und Vereinigungspolitik. Zwischen nationalen Willen und realpolitischen Zwang. — *Haftendorn H., Wilker L., Wörmann C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin, 1982, S. 283.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Die deutsche Einheit kommt bestimmt.— Bergisch-Gladbach, 1982, S. 65.

³⁹ Strauss F.-J. Entwurf für Europa. Stuttgart, 1966, S. 32.

⁴⁰ Nolte E. Deutschland und der Kalte Krieg. München, 1974, S. 316.

ствовать объединению страны, допустить существование немецкой армии и военной промышленности, но при условии неучастия Германии в военных союзах⁴¹.

Таким образом, сутью «ноты Сталина» было предложение об обмене нейтрализации Германии на ее воссоединение⁴². Но нота была отвергнута западными державами, а ее истинная цель до сих пор является предметом спора между историками. Г. Киссинджер считает, что для Сталина весной 1952 г. сущностью дипломатического наступления «было как минимум выяснить, что Советский Союз сможет получить, если выкинет за борт восточногерманский коммунистический режим»⁴³. Конечно, это лишь предположение, гипотеза американского автора, но все-таки, на память приходят и некоторые другие вещи. Известно, например, что уже после смерти Сталина планы отказаться от ГДР были у Л. П. Берии, которого поддержал Г. М. Маленков. По словам одного из ведущих отечественных экспертов по «германскому вопросу» В. М. Фалина, Маленков и Берия высказывали мнение, что «советские позиции в ГДР не удержать, что надо сдать республику на максимально выгодных условиях»⁴⁴. В 1985 г. состоялся любопытный разговор старейшего российского историка-германиста И. С. Кремера с экспертом правления социал-демократической партии Германии Э. Зелбманом. Немецкий политик рассказал, что Н. С. Хрущев однажды в беседе с одним из итальянских политиков якобы сказал, что «если бы Москве хорошо заплатили (примерно 90 млрд долл. США), то он бы сдал ГДР»⁴⁵.

8 июля 1952 г. наступил «день великой ясности»: восточногерманские товарищи получили из Кремля отмашку на начало строительства социализма в ГДР. Курс на строительство социализма в ГДР был утвержден на 2-й конференции СЕПГ 9—12 июля 1952 г.

В мартовской 1952 г. «ноте Сталина» правительство ФРГ и западные страны увидели лишь политическую уловку. Для советской стороны вывод войск означал уход за Одер, в Польшу, то есть советские вооруженные силы оставались бы на расстоянии нескольких десятков километров от Берлина. Для американцев же проблемой стало бы общее дальнейшее пребывание в Европе. Пропагандистским и не заслуживающим доверия виделось и предложение советской стороны о проведении в обоих немецких государствах всеобщих выборов. Было очевидным, как считает А. М. Филитов, что в случае проведения таких выборов коммунисты получили бы в масштабе всей станы 20 % голосов, а в Западной Германии — не более 5 %. Запад не мог поверить, что СССР всерьез готов к подобному поражению⁴⁶. Перехода к реальным переговорам об объединении опасались и руководители ГДР, с которыми советская сторона находилась в постоянном контакте. Интересно здесь привести запись беседы И. В. Сталина 7 апреля 1952 г. с вызванными в Москву руководителями СЕПГ и ГДР: «Тов. Сталин считает, что какие бы предложения мы не вносили по германскому вопросу, западные державы не согласятся с ними... в Западной Германии образуется самостоятельное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией надо рассматривать как границу, — и не как простую границу, а как опасную границу»⁴⁷. В этом же выступлении Сталин предложил, чтобы в первой линии охраны границы стояли немецкие войска, т.е. речь шла об указании лидерам ГДР создавать свою армию⁴⁸. Совместимо ли все это с имиджем Сталина-борца за единую Германию? Обмен нотами по вопросу о переговорах продолжался с марта по осень 1952 г. и не привел к каким-либо результатам.

⁴¹ Известия, 11.III.1952.

⁴² Фалин В. М. Указ. соч., с. 52—53.

⁴³ Киссинджер Г. М. Дипломатия. М., 1999, с. 449.

⁴⁴ Фалин В. М. Указ. соч., с. 52—59.

⁴⁵ Личный архив И. С. Кремера.

⁴⁶ Филитов А. М. Указ. соч., с. 156.

⁴⁷ Там же, с. 164.

⁴⁸ Там же, с. 165.

Главным для западных критиков мартовской ноты Сталина были советские предложения о создании нейтрального статуса объединенной Германии. Вашингтон и Запад в целом испытывали опасения перед подобным развитием событий. Так, американский политик Г. Киссинджер и в 90-е годы XX в. считал, что «это лишь вернуло бы к жизни дилемму, перед лицом которой оказалась Европа после объединения Германии в 1871 г.: сильная, единая Германия, находящаяся в центре континента и проводящая чисто национальную политику, — как подобное совместить с миром в Европе? Такая Германия была бы сильнее любой из наций Западной Европы, а возможно, сильнее их всех вместе взятых. А в 50-е годы ее бы искушали реваншистские мечты, обращенные на восток»⁴⁹. «Это было бы судьбоносным искушением — выпустить на свободу объединенную нейтральную Германию, да еще так скоро после окончания войны»⁵⁰. В связи с «нотами Сталина» в самой ФРГ оживилась дискуссия о возможностях и условиях объединения Германии. Представляет интерес выступление 12 марта 1952 г. по радио министра по общегерманским вопросам Я. Кайзера, которое содержало ряд условий, необходимых для объединения. Наряду с требованием начать процесс проведения выборов под международным контролем и образования Национального собрания для создания общегерманского правительства, отнюдь не самый правый из лидеров ХДС сообщил в своей речи, что «Германия не сможет отказаться от бесспорно немецких областей... мы имеем ясную установку западных держав, что в Потсдаме не было принято окончательных решений по будущим границам»⁵¹.

Можно по-разному оценивать искренность намерений Сталина, но нейтралистские тенденции в тот момент были весьма сильны в ФРГ. Западногерманский эксперт по внешней политике Иоганн фон Ранцау в 1953 г. заявил: «В немецкой внешней политике ни в коем случае нельзя миновать перекрестка, на котором правильно понятия германские интересы расходятся с американскими и западноевропейскими»⁵².

Наиболее известным документом нейтралистов стала памятная записка депутата Бундестага от Свободных демократов, будущего посла ФРГ в Белграде Карла Георга Пфлейдерера, опубликованная в западногерманской прессе в сентябре 1952 г.⁵³ Он предлагал, чтобы объединенная Германия взяла на себя обязательства сохранять нейтралитет, подкрепив его системой договоров и отвергла пункт Общего договора, по которому «Федеративная Республика отказывается от всех элементов собственной восточной политики».

К началу 50-х годов XX в. относятся и первые конкретные шаги ФРГ в направлении перевооружения. Канцлер Аденауэр публично выступая против вооружения страны, поручая бывшему генералу вермахта Хассо фон Мантейфелю подготовить докладную записку, из которой следовала бы «фатальная неизбежность» перевооружения Германии. В 1954 г. появляется брошюра генерала Г. Гудериана «Так это не пойдет!», в которой утверждается: «Западную Европу еще возможно защитить, если призвать к этому делу ФРГ, которая является ее восточным форпостом. Для успешных действий Запада в неизбежной войне необходимо относиться к немцам как к товарищам по оружию, а не как к солдатам Иностранного легиона»⁵⁴.

Социал-демократическая партия выступала в начале 50-х годов (во всяком случае, до смерти К. Шумахера в 1952 г.) как патриотическая национальная сила, критикующая христианских демократов⁵⁵. В связи с советскими предложениями в марте — апреле 1952 г. руководство СДПГ предлагало, чтобы правительство под-

⁴⁹ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995, с. 181.

⁵⁰ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 450—452.

⁵¹ Auswärtige Politik. Dokumente. Bonn, 1972, S. 205.

⁵² Pfleiderer K. G. Politik für Deutschland (1948—1956). Stuttgart, 1961, S. 95.

⁵³ Frankfurter Rundschau, 21.IX.1952.

⁵⁴ Гудериан Х. Так это не пойдет. К вопросу о положении Западной Германии. М., 1954.

⁵⁵ Ежов В. Д. Указ. соч., с. 93.

писывало только такие соглашения, которые позволяют немцам в любое время инициировать переговоры четырех держав о мирном воссоединении Германии.

Шумахер в начале 50-х годов считал, что Европа должна играть роль «третьей силы» и идти своим собственным путем развития, отличным от США и СССР. «Процветание западной зоны, — писал Шумахер, — которое может быть достигнуто на основе энергичной зональной экономической политики, превратит Запад в притягательную экономическую силу, которой Восточная Германия не сможет противостоять. Не существует... другого пути достижения немецкого единства, кроме как экономического усиления Запада. Это, в свою очередь, послужит для Востока столь поучительным примером, что имеющийся там аппарат власти сам по себе будет бессильен противостоять его воздействию»⁵⁶. Уже в этом высказывании лидера СДПГ можно найти элемент «теории магнита», впоследствии взятой на вооружение христианскими демократами.

После смерти Шумахера новый лидер социал-демократов Э. Олленхауэр в ходе обсуждения «ноты Сталина» обвинял Аденауэра в том, что он упускает национальную цель — объединение ФРГ с восточными территориями ради включения Федеративной Республики в создаваемые на Западе Европы структуры и делает ставку на американскую политику силы.

Аденауэр и руководители трех западных держав отвергли все предложения СССР. Как отмечал В. М. Фалин, с отклонением предложений Москвы «надежда на поворот в развитии была убита» (хотя мы видим, что имеется достаточно доводов в пользу заведомой неосуществимости этих предложений). Однако, по мнению Фалина, именно в связи с дискуссией, открытой советскими предложениями, «началась собственная восточная политика социал-демократов»⁵⁷.

Идеологическое противостояние и взаимное недоверие сторон (в том числе и недоверие Запада к Германии) перечеркивало возможность объединения немцев в обозримом будущем. Уже в упомянутой беседе с лидерами ГДР 7 апреля 1952 г. Сталин указал своим собеседникам, что ГДР должна «без шума и стремительно» создать с помощью СССР армию, поскольку «пацифистский период закончен». По мнению историка А. М. Бетмакаева, тем самым он дал понять, что сохранение раскола Германии отныне соответствует советским интересам. После этого в ГДР началось преобразование созданной в 1948 г. народной полиции на казарменном положении в полноценные вооруженные силы, располагающие танковыми, авиационными и морскими частями⁵⁸.

К. Аденауэр при выработке основ своей политики и ее практическом проведении должен был считаться с перемещенными лицами — немецкими беженцами из областей, прошедших под контроль союзников. Эти люди, недавние жители районов к востоку от Одера (Силезии, Восточной Пруссии, а также Судетской области), были объединены, очень активны и настаивали на защите своих интересов, в том числе на возвращении утраченных земель.

Одновременно с нагнетанием таких настроений можно говорить и о созревании в ФРГ воззрений, оппозиционных линии Аденауэра. Уже с конца 1949 г. звучали голоса известных и влиятельных деятелей, призывавших канцлера отказаться от намерений «ставить на голую силу». Наиболее известным оппонентом канцлера в эти годы стал министр внутренних дел в его правительстве Густав Хайнеман. Этот политик, будущий президент ФРГ, не только критиковал Аденауэра, но и вышел из его правительства в знак протеста против «марша на Запад» (прежде всего — против планов перевооружения Западной Германии)⁵⁹.

⁵⁶ Цит. по: *Хакке К.* Указ. соч., с. 37.

⁵⁷ *Фалин В. М.* Указ. соч., с. 55.

⁵⁸ *Бетмакаев А. М.* На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949—1964 гг. — Американские исследования в Сибири, вып. 7. Томск, 2003, с. 55.

⁵⁹ *Кремер И. С.* Указ. соч., с. 154.

В первое десятилетие после Второй мировой войны происходили серьезные позитивные изменения в национальном сознании немецкого народа. Нет сомнения, что главную роль сыграл шок в связи с разгромом гитлеровского государства. В мае 1945 г. погибла не только тоталитарная власть; в прах рассыпались лживая идеология и пропаганда, поддерживающие режим. На оздоровление сознания немцев оказали влияние внутренние реформы и экономический подъем ФРГ, распространение благосостояния на все более широкие слои населения. Немцы начали понимать, что гитлеровские постулаты о «народе без пространства», о невозможности прокормить народ в старых границах — чистая ложь. Потеряв в ходе войны четверть территории, за расширение которой Гитлер и начал войну, немецкий народ уже с середины 1950-х годов стал жить лучше, чем когда бы то ни было, и эта тенденция нарастала. Рыночный уклад в Западной Германии оказался очень эффективным⁶⁰. Это позволило правящей элите ФРГ не просто воссоздать капиталистическое государство, но и придать ему социальный характер, создать прогрессивную систему социальной защиты (речь идет о пенсионной реформе, о законе «О положении рабочих на предприятии», по которому большие права предоставлялись персоналу и профсоюзам, о субсидировании студентов вузов в период обучения).

В январе — феврале 1954 г. на встрече министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве западные державы выступили со своим планом по германскому вопросу. План предусматривал: свободные выборы на всей территории Германии; созыв Национального собрания; выработку конституции и подготовку переговоров по мирному договору; утверждение конституции и образование правительства, которое проведет переговоры о мирном договоре; заключение мирного договора⁶¹.

Вопрос о будущей политике Германии в Европе (о ее нейтралитете или участии в военных союзах) в этот момент не ставился. В. М. Молотов, представлявший на конференции 1954 г. Советский Союз, на первое место ставил подписание мирного договора обоими государствами; речь шла также о создании Временного правительства парламентами обоих государств. Это правительство призвано было провести всеобщие выборы, по результатам которых будет создано общегерманское правительство. После подписания мирного договора по советскому плану все иностранные войска должны были покинуть Германию, а объединенное государство не имело права вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любого государства, участвовавшего своими вооруженными силами в войне против Германии.

Стороны не пришли к согласию, и бундестаг единогласно возложил вину за это на Советский Союз, который «не желает допустить воссоединения Германии в условиях свободы». Как известно, в августе 1954 г. в Национальном собрании Франции потерпел поражение первый план участия ФРГ в военно-политическом союзе («Европейское оборонительное сообщество»). Но уже в октябре 1954 г. в Париже были подписаны (но теперь уже с английским участием) соглашения по созданию Западноевропейского оборонительного союза (ЗЕС). Социал-демократы предложили правительству еще до ратификации этих соглашений провести переговоры с Москвой, прояснить планы Советского Союза по германскому вопросу и только после этого вернуться к процессу ратификации договора о ЗЕС (письмо правления СДПГ канцлеру 1 января 1955 г.). Аденауэр и руководители ХДС/ХСС не согласились с этим предложением. Свободные демократы также отвергли предложение социалистов — под предлогом, что в ходе таких переговоров возникнет вопрос о признании ГДР; а в случае такого признания и установления дипломати-

⁶⁰ Белов В. Б. Общая характеристика немецкого хозяйства. — Германия. Вызовы XXI. М., 2009, с. 76.

⁶¹ Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte, von 1848 bis Gegenwart, Bd. VI. Berlin, 1965, S. 33.

ческих отношений с СССР в Москве одновременно окажутся два немецких посла, что нельзя допустить. Серьезность и искренность как советских предложений, так и предложений западных союзников, сделанных в первой половине 50-х годов, никогда не были проверены.

В соответствии с договором о ЗЕС ФРГ автоматически становилась членом НАТО, что повлекло за собой заметное обострение обстановки на разделительной линии восточного и западного блоков в Европе. Американский историк Р. Ингрэм справедливо писал по этому поводу: «Ремилитаризированная Германия в военном союзе с Западом представляет собой самую большую угрозу, какую только можно себе представить»⁶².

1955 год оказался поворотным в истории Европы и обоих германских государств. В самом начале года Советский Союз объявил о прекращении состояния войны с Германией. 5 мая Парижские договоры вступили в силу. Оккупационный статус Германии был отменен тремя западными державами, и было принято решение о суверенитете Федеративной Республики. Протестуя против создания военного блока с участием ФРГ, СССР заявил об отмене союзных договоров, подписанных с Великобританией и Францией в годы Второй мировой войны⁶³. 14 мая была создана Организация Варшавского договора с участием Германской Демократической Республики. В эти же дни был подписан государственный договор с Австрией, парламент которой принял закон о постоянном нейтралитете. В составе правительства ФРГ появилось министерство обороны, начиналась открытая ремилитаризация страны.

17—23 июля 1955 г. в Женеве состоялась конференция руководителей 4-х держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Три европейских руководителя и президент США собрались, чтобы обсудить проблемы разоружения, безопасности и воссоединение Германии. Несмотря на то, что лидеры встретились сразу после острых трений между Востоком и Западом (главным образом, в связи с вопросом о «немецком вкладе» в военные усилия Запада), конференция в Женеве впервые за годы «холодной войны» породила надежды мирного решения спорных вопросов. Средства информации во многих странах даже писали в это время о зарождении в международной политике «духа Женевы». Но заметных практических успехов ни эта встреча, ни последовавшая за ней конференция министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу не принесли. Западные министры предложили начать подготовку к всеобщим выборам, советский министр В. М. Молотов предложил создать для начала Общегерманский совет. Ни тот, ни другой план не были приняты⁶⁴.

Европейская печать отметила, что в речи 26 июля 1955 г. в Берлине Н. С. Хрущев впервые упомянул о существовании «двух немецких государств». До этого ФРГ фигурировала в советских средствах информации как «марионеточное государство».

Утвердившись в составе западного военно-политического союза, правительство ФРГ было теперь готово к установлению дипломатических отношений с Москвой. Эта важная политическая проблема была решена в сентябре 1955 г. «Немецкий вопрос», как вопрос об объединении Германии, был, можно сказать, «положен в холодильник». Понадобились три с половиной десятка лет, коренные перемены ситуации в мире и, прежде всего, — в СССР («перестройка» и «новое политическое мышление») и в ФРГ («новая восточная политика», крах доктрины Хальштейна, присоединение к Договору об отказе от производства и приобретения атомного оружия), чтобы «германский вопрос» был поставлен в дорожную карту мировой политики и успешно решен.

⁶² *Ingrim R. Bündnis oder Krieg. München, 1955, S. 322.*

⁶³ Практического значения эти договоры уже не имели; их отмена была символическим жестом.

⁶⁴ *Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben vom Auswärtigen Amt unter Mitwirkung eines wissenschaftlichen Beirats. Köln, 1972.*